

Руан вспомнил о подарке Ральфа, который он бережно спрятал в ящике стола. Несмотря на тщательную герметичную упаковку, от сухих стебельков исходил странный аромат.

«Не думал, что мне доведётся раздобыть кошачью мяту. Да ещё и такого отличного качества».

Кошачья мята — растение, которое называют наркотиком для кошек.

Хотя некоторые кошки никак на неё не реагируют, но если уж она действует, то может стать хорошим средством для снятия стресса.

Пока неизвестно, восприимчив ли герцог к кошачьей мяте или нет... Но учитывая, что сейчас его настроение было изрядно испорчено... разве не стоит попробовать слегка воспользоваться этим средством, чтобы его развеять?

«А если эффект окажется хорошим, то, пока он будет в приподнятом настроении, можно будет совсем ненавязчиво затронуть и тему шпионов».

Шпионы, скрывающиеся в Рейнке, давно были проблемой, волновавшей Руана. И не без причины: они были не только предвестниками бедствий, которые могут обрушиться на Рейнке, но и средством, с помощью которого императорская семья в любой момент могла оказать на неё влияние.

Как это было описано в «Легендах империи Сирах» — будь то вклад в интриги Луизы или помощь императорским особам в других их закулисных махинациях против Рейнке, — каким бы ни был способ, Руан не мог просто закрыть глаза на факторы, которые однажды могли поставить Рейнке под угрозу.

Разумеется, учитывая, что за ними стояли такие фигуры, как Фолькер или Луиза, вычистить шпионов разом было бы крайне сложно. Но это не значит, что их нельзя было выявить и держать под контролем.

До сих пор Руан тайно продолжал отслеживать шпионов внутри Рейнке.

«Я надеялся, что по мере изменения ситуации всё это окажется ненужным... но и история с Фолькером, и то, что, по словам Ральфа, Эрих, вопреки ожиданиям, по-прежнему поддерживает Луизу... Да и проблема с самой Луизой никуда не делась. Похоже, если мы хотим хоть как-то подготовиться, пора уже обсудить с герцогом, что делать со шпионами...»

Проблема заключалась в том, что всё, связанное со шпионами, могло задеть болезненные воспоминания герцога. Ведь когда-то именно из-за шпионов он потерял и родителей, и свои земли.

Поэтому Руан в последнее время без конца ломал голову над тем, как вообще завести этот

разговор. Но если выбрать момент, когда герцог будет в хорошем настроении... разве нельзя будет осторожно, чуть-чуть, закинуть удочку?

Взяв с собой небольшой свёрток с кошачьей мятой отличного качества, Руан открыл дверь спальни, где должен был находиться герцог.

— Ваша Светлость, это Руан Дэйн. Я вхожу.

Он и уходил надутым, так что иного ожидать не приходилось. Герцог, который благодаря своим обострённым чувствам наверняка уловил приближение Руана ещё заранее, даже после того как тот вошёл в комнату, продолжал сидеть на кровати, лишь раздражённо подёргивая хвостом. Под падающими солнечными лучами каждый взмах хвоста заставлял чёрную шерсть рассыпаться и искриться в свете.

«Сегодня вечером перед сном опять придётся хорошенько пройтись липким роликом. Хорошо хоть, что я ещё не загрузил его в карету».

Руан подошёл к герцогу, размышляя, можно ли попросить разрешения расчесать его, раз уж они встречаются, но, наверное, в ответ он снова услышит, что это какие-то глупости.

— Ваша Светлость. Я закончил сборы и вернулся.

Хотя он и делал вид, будто не смотрит, было видно, как чёрные кошачьи уши герцога настороженно дёрнулись — значит, он всё-таки слушал. Ободрённый этой реакцией, Руан придвинулся ближе и сел рядом, почти прижавшись к нему. Тем не менее герцог по-прежнему смотрел в сторону. Взгляд Руана опустился на свёрток у него в руках.

«Интересно, отреагирует ли герцог на кошачью мяту...»

Поскольку этому коту часто приходится испытывать стресс, если мята подействует, это могло бы помочь. Но учитывая, что кошек, на которых она не действует, тоже немало, Руан с сомнением смотрел на свёрток и наконец заговорил:

— Ваша Светлость. Я кое-что принёс с собой, не хотите взглянуть?

И в тот момент, когда он с замирающим сердцем слегка ослабил плотную упаковку...

— Это кошачья мята... Ой!

Герцог резко налетел на него, и Руан тут же опрокинулся на кровать. Проблема была в том, что свёрток к тому моменту уже был открыт. Глаза Руана метнулись к кошачьей мяте, которая вот-вот могла рассыпаться.

«Нельзя же сразу так много!»

Как и подобает слуге, который не раз, затаив дыхание, наблюдал моменты кошачьих «катастроф», Руан молниеносным движением попытался свести ущерб к минимуму. Он быстро сжал свёрток, не дав мяте высыпаться.

Правда, из-за этого он не успел удержать падающее тело и в итоге оказался лежащим на кровати... но, по крайней мере, мята не рассыпалась. Успев с облегчением подумать об этом, Руан ощутил тяжесть, придавившую его тело.

— Ваша Светлость?

Герцог, буквально навалившийся на Руана, наклонился и уткнулся носом ему в грудь. Его зрачки были широко расширены, словно от возбуждения. Некоторое время он принюхивался, а затем начал тереться щекой о грудь Руана.

Выглядело это точь-в-точь как кошка, реагирующая на кошачью мяту. Он-то думал, что всё удержал... неужели при падении всё-таки немного рассыпалось?

Как бы то ни было, судя по тому, с каким усердием герцог тёрся щекой, он относился к тем котам, на которых кошачья мята действовала особенно сильно.

«Это, конечно, хорошо... но почему именно грудь...»

Когда движения герцога стали всё более интенсивными, Руан, чувствуя неловкость, попытался выскользнуть. Но герцог тут же схватил его за плечо, удерживая на месте.

А затем...

Шурш.

Он лизнул грудь Руана, на которую рассыпалась кошачья мята.

От ощущения, передающегося сквозь тонкую ткань, Руан вздрогнул и замер. Тем временем герцог, похоже, пришёл в полный восторг от кошачьей мяты и начал облизывать те места, где она была рассыпана. Кошки, которые поедают кошачью мяту, встречаются не так уж редко, так что само по себе это не было чем-то из ряда вон выходящим.

«Но проблема в том, что это уже немного...»

Тяжёлый вес, придавливающий тело сверху, мускулистая рука, упирающаяся возле головы,

другая рука, крепко сжимающая плечо. И возлюбленный, уткнувшийся лицом в грудь и водящий языком... Даже если кот, опьянённый кошачьей мятой, не имеет никаких задних мыслей, разве у человека, на которого всё это обрушилось, не возникнет странных чувств?

Чувствуя, как атмосфера постепенно становится двусмысленной, Руан закрыл глаза, чтобы заблокировать визуальные стимулы, и принялся мысленно твердить себе:

«Нельзя, Ким Ха Джин. Это не то. И потом, завтра нам целый день придётся трястись в карете, так что это хрупкое тело точно развалится. Да и после того как герцог немного успокоится, нужно будет поговорить о шпионах...»

Воспоминания об ужасной тряске в карете по дороге в столицу и о делах, которые нужно было сделать, немного охладили его пыл. Впрочем, это длилось недолго.

В тот совершенно неожиданный момент, когда его глаза были закрыты, язык герцога, блуждавший по груди, лизнул сосок Руана.

— Хх!

Это было слишком внезапным, и стон вырвался сам собой. Герцог тут же поднял голову и посмотрел на Руана. Поражённый неожиданной волной чувствительности, скользнувшей по затылку, Руан лишь широко раскрыл глаза и уставился на него в ответ.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Первым отвел взгляд герцог. Его глаза, смотревшие в зрачки Руана, в которых плескались растерянность и ещё не утихшее возбуждение, скользнули по покрасневшим уголкам глаз Руана, по его губам, только что издавшим стон. Затем снова вернулись к глазам Руана.

Руану показалось, что зрачки герцога расширились ещё сильнее.

И тогда...

Не отрывая взгляда, герцог медленно наклонил голову. Его лицо постепенно приближалось. Наконец, когда между лицом герцога и грудью Руана осталась лишь узкая щель... он, не отрывая глаз от взволнованного взгляда Руана, медленно высунул язык.

Казалось, этот красный язык вот-вот коснётся его груди, и Руан сглотнул сухую слюну.

И в тот миг, когда кадык Руана дрогнул, язык герцога мягко прижал и скользнул по маленькому бугорку, возвышавшемуся на плоской груди. Поскольку движение было очень медленным, Руан отчётливо чувствовал, как мягкая плоть сминалась под нажимом языка, а

затем, как только язык проходил дальше, твердо поднималась вновь.

Руан невольно втянул воздух.

Герцог, наблюдавший за реакцией, после этого принялся двигать языком уже всерьёз.

После нескольких движений тонкая ткань быстро промокла. Ощущения, притуплённые одеждой, теперь, через намокшую ткань, ощущались куда отчётливее.

Шершавый язык обвёл ареолу, а затем, будто раздавливая, прошёлся по соску... Уже заострившийся и ставший чувствительным сосок каждый раз, когда мокрая ткань сминалась на нём, вспыхивал острым удовольствием.

— Хх... Ваша Светлость. Там... не надо... Ммм...

Чувствуя, как внизу живота постепенно нарастает тяжесть, Руан попытался остановить герцога. Но тот, чуть подавшись назад под его отталкивающей рукой, вместо того чтобы отступить, потянулся к полам рубашки Руана.

— Ваша Светлость?

И, не колеблясь, распахнул её.

Перед глазами обнажились напрягшиеся соски и белая грудь Руана. Герцог, который только смотрел сверху вниз глазами с расширенными до предела зрачками, выхватил свёрток, всё ещё сжатый в руке Руана.

Опомнившись, Руан воскликнул:

— Если использовать слишком много за раз, у вас будет болеть живот!

На что герцог с явным недовольством ответил:

— Ты сейчас действительно считаешь нужным говорить именно это?

«Меня сейчас что, отчитывает кот за то, что я порчу атмосферу? Да ещё и кот с затуманенным от кошачьей мяты взглядом?»

Пока Руан пребывал в замешательстве, герцог наклонил свёрток и высыпал немного сухой кошачьей мяты прямо на его обнажённую грудь.

— Такое количество вряд ли повредит. Лучше ответь.

Грубыми пальцами он перекатил набухший сосок и спросил:

— Тебе нравится, когда я лижу здесь?

<http://bllate.org/book/12567/1117870>